

Аварийный выход

Сталкер

Знаете, какое пробуждение самое неприятное? Ну конечно, скажете, что знаете. В то прекрасное утро и я узнал. Каждый будний день я просыпаюсь в семь утра от веселого визга родного будильника. От этого звука сводит зубы, но, к сожалению, порой только так можно меня разбудить.

Это памятное утро началось на двадцать минут раньше, чем обычно. О нет, я проснулся не оттого, что белокурая красotka томно закинула на меня свою прекрасную ножку и еще сильнее прижалась своим совершенным телом. Разбудил меня веселый и очень громкий мат строителей, которые разгружали самосвалы с кирпичом прямо у меня под окнами. Разгрузка сама по себе, как вы понимаете, происходила абсолютно бесшумно. Я заткнул уши. Не помогло. Голова просто раскальвалась после вчерашнего. Где я был? Что пил? С кем? Ничего не вспоминалось. Что-ж, в последнее время такое бывает все чаще. Попытавшись натянуть на голову одеяло или подушку, я не обнаружил ни первого, ни второй. Огляделся. Почему это я валяюсь на диване в гостиной? Автопилот в последний момент, видимо, дал сбой.

Да, тут придется сказать пару слов о моей скромной обители — проживаю в двухкомнатной квартире свежестроенного дома. Кухня, спальня, гостиная, санузел — подарок родителей. Что может быть лучшим вариантом холостяцкой квартиры?

Я вознесся над диваном, и постоял немного, привыкая к горизонтальной позиции и слегка пошатываясь. Когда амплитуда моих колебаний в отношении пола уменьшилась, я прочувствовал головную боль во всей красе. Она раскальвалась от залитого через уши раскаленного свинца, и от такой тяжести отчаянно давила на позвоночник. Глаза, засыпанные песком, с трудом идентифицировали окружающие предметы. Под маты строителей я добрался до туалета. Потом влез под ледяной душ, который немного привел меня в чувство. Оставляя мокрые следы на плитке, я зашел в кухню. Этот переход родил в остатках моей головы целых две мысли.

Ну, первая была скорее наблюдением — оказывается, я провел в душе сорок три минуты и уже пора бы выходить из дому. Вторая же была целым открытием — оказывается, если закрыть окна, можно перестать наслаждаться орами и шумом. С отвращением глянув на полную окурков и отчаянно воняющую пепельницу, я, как обычно, решил бросить курить, а за одно и пить. Заварил чаю.

На часах было 7:42, когда дьявол (а кто еще это мог быть?) во второй раз посетил мой второй этаж. Я, кажется, не упоминал, что дом новый? Говорил? Ну не важно, в общем — на первом этаже уже третью неделю занимаются строительством магазина. А точнее — ломанием и сверлением стен. Обычно я лишен этой симфонии, но сегодня ребята видимо решили поработать сверхурочно. Нежная трель перфоратора и ласковый хруст бетона перевели мою мигрень на новый уровень, и заставили выпить кружку обжигающего чая залпом.

Выскочив из квартиры, я нацепил солнцезащитные очки и пошел к остановке. Во время мигрени органы слуха обостряются до невиданных высот, как будто специально раздражая каждым звуком и приводя

в неопишное бешенство. Скрипы тормозов, звонки мобилок, лай собак...

В маршрутку я влетел, как ошпаренный, надеясь хоть на немного укрыться от какофонии уличных звуков. Приткнулся в угол и включил плеер, чтобы хоть как-то отвлечься и расслабиться. Очередным приятным сюрпризом этого утра стало то, что в плейлисте кроме сборника нью-метала и пары драмнбейсовых альбомов не было ничего. Я клацнул stop и уткнулся в окно. Что дальше? Я решил отдаться на волю судьбы, да и выбора у меня сегодня, видимо, не было. На улице +35, маршрутка забита на семь пятых потными телами, и, конечно, многокилометровая пробка.

Так, вот и следующий — машина скорой помощи. Она стояла бок о бок с моей маршруткой и включенной на полную сиреной пыталась разогнать впереди стоящие автомобили. Надо ли говорить, что получалось у нее совсем другое — вызвать в моей распухающей голове картины массовых кровавых убийств её водителя, стоящих рядом пассажиров и орущего уже двадцать минут ребенка. Нет, я люблю детей, но отнюдь не в такие моменты. Мне казалось, что из ушей сейчас потечет кровь, и я заткнул их наушниками. Из двух зол выбирают меньшее. Я выбрал Slipknot.

Мои молитвы всем богам мира одновременно, кажется, достигли своей цели. Иначе как объяснить то, что спустя всего пол часа я выжимался из маршрутки непосредственно возле родного офисного здания. По правде говоря, выходя из маршрутки, я боялся, что моя голова уже не сможет пролезть через дверь, на столько она распухла. А сейчас — бегом на работу. В тишину опущенных жалюзи, в прохладу включенного кондиционера и в аромат приготовленного секретаршей кофе.

Зачем я так долго и подробно рассказываю о событиях этого утра? Ну во первых, мне от этого рассказа становится легче, а во вторых я надеюсь таким образом погрузить вас в пучину моих тогдашних ощущений.

Насладившись пятнадцатью минутами покоя, и на какое-то мгновение даже уверовав, что все кончилось, я откинулся в кресле и закрыл глаза.

В дверь постучали. У входа в мой кабинет стояло двое ребят, которые с радостью напомнили мне, что сегодня именно тот день, когда они должны были прийти, дабы собирать мебель, которую завезли тремя днями ранее. Я вяло кивнул, пропустил их.

Страшно захотелось покурить. Отлично понимая, что хуже не будет, я попросил у секретарши Мариночки сигарету и зажигалку.

И как раз в тот момент, когда я, стоя на балконе под палящим солнцем, подносил зажигалку к зажатой в зубах отвратительной тонкой розовой сигарете — у меня зазвонил телефон. Нет, такое случалось не в первый раз. Но скажите, вам часто звонят с домашнего телефона? Через полтора часа после того, как вы эту квартиру покинули? И не забудьте — живете вы в одиночестве, у родителей ключей нет, и больше никого-никого в этой квартире быть не может? Думаю, не слишком часто. Тогда вы поймете меня.

Мне естественно не было нужды хранить собственный домашний номер в телефонной книге мобильного, по этому я еще несколько секунд постоял, впериw взгляд в экран и перечитывая высветившиеся на нем цифры. Да.

Это. Мой. Номер.

Ну что мне оставалось делать? Я поднес трубку к уху и сказал — алло.

— Привет, ты куда делся?

***

Случалась ли в вашей жизни такая ночь, когда готов отдать все, лишь бы не наступало утро? Ну конечно, скажете, что случалась.

На самом деле, страшноватое желание — бесконечная ночь. Но тогда мне было плевать.

Друзья вытащили практически из постели и привезли на набережную... Среда, середина рабочей недели, одиннадцать часов вечера, сгущающиеся над океаном тучи, лето, жара. Унылое зрелище — пустая набережная. Я ее никогда раньше такой не видел.

Что за повод нашей гулянки был, не помню. В общем, мы завалились в ближайший клуб, где кроме нас было еще человек пятнадцать от силы. Изрядно выпив — полезли на танцпол. Спустя почти два часа алкоголь решил отпустить меня на волю и, как обычно бывает, настроение тут же ухудшилось. Я вернулся за столик и закурил.

— Привет, ты куда делся?

Да, именно этот голос.

Это голос официантки, которая собирала пустые рюмки с нашего столика. Она что-то спросила... Или просто сказала, я уже и не вспомню. В общем — я был сражен наповал. (Голосом? Глазами? Просто образом?) Ну не сказать иначе, не подобрать других слов. Сражен наповал.

А она, еще некоторое время посмотрев на меня, и, так и не дождавшись ответа, ушла относить поднос с рюмками. Ди-джей уставшим голосом объявил Адриано Челентано.

Признаюсь, раньше меня никогда так не клинило. Я подскочил из-за стола и догнал официантку. Одной рукой выхватил поднос и поставил на барную стойку, второй рукой сделал реверанс.

— Потанцуете со мной?

Удивления в ее глазах было на миллисекунду, и этим она понравилась мне еще больше.

— Почему бы и нет.

Почему-то даже дыхание не перехватило.

Мы вышли на пустой танцпол и начали танцевать. Все было как в сказке, то есть я прекрасно понимал, что это наваждение. Для полноты картины не хватало...

Я засмеялся своим мыслям, которые прочли небеса. Пошел дождь.

На мгновение я испугался, что она не захочет мокнуть и уйдет к своему подносу. Но на ее лице была такая же улыбка, как и на моем.

Su confessa, amore mio.

Ее волосы щекотали мне лицо, ее запах сводил с ума. Что, я говорил, что готов был отдать все, лишь бы не наступало утро? Да я зубами цеплялся за каждую секунду, утекающую сквозь пальцы. Секунды выстраивались шеренгой и по одной садились в отправляющийся поезд под названием мечта. А я обнимал каждую из них, тщетно пытаюсь задержать.

В жизни сложно быть на вершине, всегда найдется хоть кто-то выше тебя. Богаче, умнее, сильнее, красивее, красноречивее, быстрее, удачливее... Но есть одна величина, которую каждый может примерить на себя под словом «самый». Величина эта — счастье. Я действительно был самый счастливый в те мгновения. В этом танце под проливным дождем, в полупустом ночном клубе было что-то безумное. И это только усиливало эффект «счастья». Наверное, все те пять минут и три секунды я протанцевал с идиотской улыбкой на лице. Но повторяюсь, мне было наплевать. Мне было хорошо, и я уже перестал удивляться себе.

Молчаливый танец двух улыбок под дождем закончился, закончилась песня, закончился дождь, заканчивалось и волшебство. Хлюпая по мокрому полу, мы отошли к краю танцпола, на который жиденьким потоком уже стекались люди.

— Алиса.

— Дима.

Повисла пауза. Начальный запал прошел, наступил легкий ступор. Алиса смотрела на меня как тогда, шесть минут назад, возле столика. Выжидающе.

Я уже почти придумал, что сказать...

— Эй, ты ничего не забыла? — гаркнули у меня над ухом. Я обернулся и увидел здорового охранника. Он наблюдал за нами еще и во время танца, но хорошо, что ему хватило мозгов не мешать. Тут меня посетила еще одна мысль — Алиса официантка, и вообще-то не имеет права танцевать с клиентами. Это к ее работе не относится.

— Сань, я ничего не забыла.

Она стянула через голову форменный фартук с надписью «Шустов» и протянула охраннику. Тот на автомате взял его, а Алиса повернулась ко мне:

— Погуляем?

Я кивнул, подмигнул охраннику и пошел за ней к выходу.

***

— П-привет... Алиса? Я на работе...

— А-а, ну ладно. Скоро будешь? И еще, у тебя ключи есть еще одни от квартиры? Я бы вышла, купила чего-то поесть, а то холодильник твой мхом порос.

— Да, справа от двери, в выдвижном ящичке. А буду я в семь.

— Ну давай, жду.

— Ага.

Я спрятал мобильник в карман и уставился на поручни балкона.

Господи, что происходит? Так, надо разложить все по полкам.

Дома я не заходил в комнату, это я помню точно. Но совсем не помню, почему. Как-то даже в голову не пришло осматривать собственную квартиру. Но как я мог утром забыть, что провел ночь с девушкой, да еще и оставил ее у себя ночевать? Такого со мной раньше не случалось.

Под лучами солнца на этом проклятом балконе, мне казалось, я скоро испарюсь, поэтому пришлось вернуться в офис, умыться и сесть за компьютер. Поработать мне сегодня не светило, хоть сборщики мебели и пообещали, что собирать шкафы им еще не больше получаса.

Визг дрели, стук молотков и приглушенная ругань не давала мне сосредоточиться.

Да, ситуация...

Кое как, досидев до вечера я, поймав машину, поехал домой. Маршруток с меня хватало.

В супермаркете возле дома я купил бутылку вина и конфет, на большее моей фантазии просто не хватило. Поздоровался с вахтершей, покивал ей в ответ на сетования о непрекращающихся стройках и ремонтах вокруг, и поднялся на свой второй этаж. Там меня встретил Алекс.

Так звали кота, который жил у соседей. Алекс был из той породы котов, которые терпят людей в своей квартире только из вежливости и потому, что те периодически дают пожрать. Семья, в которой жил Алекс — муж с женой и маленький ребенок, жила в соседней со мной квартире. Они души не чаяли в коте, называя его Лешенькой. Сам же Лешенька, будучи породистым английским котом, купленным за бешеные (как для меня так вообще нереальные для кота) деньги на какой-то выставке, вел себя как настоящий джентльмен. Имя досталось ему из родословной, и плевать он хотел на всякие уменьшительно-ласкательные. Мужа и ребенка он обходил стороной, а хозяйке давался на руки только по большим кошачьим праздникам, и то минут на семь. После пяти часов вечера Алекс выходил на прогулку по этажу, игнорируя начальные потуги хозяев не выпускать его. Он вальяжно расхаживал по перилам, иногда садясь у окна и осматривая свои владения — двор перед домом. Меня Алекс ненавидел той холодной ненавистью, о которой говорит еще старая Клингонская поговорка и уверен, если бы коты умели плевать, я бы каждый вечер с удивлением обнаруживал у себя на спине новый плевок.

Спустя месяц я перестал обращать внимание на Алекса и, проходя мимо него, просто вежливо здоровался с ним. Вот и сейчас, поднимаясь по лестнице и роюсь в кармане в поисках ключей я, не глядя, сказал:

— Добрый вечер, Алексей Алексеевич.

Каково же было мое удивление, когда я увидел Алекса. Его короткая шерсть встала торчком, и он забился в самый дальний угол коридора, непрерывно шипя. Завидев меня, он кинулся мне под ноги и спрятался за ними. Я обалдело уставился на кота. Даже не знаю, что меня сегодня удивило больше — женщина в моей квартире или Алекс у моих ног.

Внимательнее осмотрев коридор я ничего подозрительного не заметил. Присел и погладил кота. Мало того, что за все время нашего знакомства мне

это удалось впервые, так еще и впервые я увидел как может дрожать животное. Он явно чего-то жутко испугался и, если-бы знал что так можно, давно бы сбежал на улицу а там не останавливаясь добежал бы и до соседней страны. Я взял его на руки, подошел к двери соседей и позвонил. Алекс начал вырываться как только я прошел мимо своей двери и сейчас этих попыток не прекращал, но я держал крепко. Открыл сосед Виталик, хотел поздороваться со мной, да так и замер с открытым ртом. Я в этот момент слегка ослабил хватку и Алекс пулей метнулся в глубину квартиры, унося за собой вихрем коврик и тапочки.

— Понятия не имею, что с твоим котом... — начал, было я оправдываться. Только сейчас мне показалось, что соседи подумают, будто кота так напугал я.

— Д-да ничего страшного, наверное собаку увидел. С ним такое было однажды.

Виталик был настроен поговорить, но мне не терпелось попасть домой, поэтому я быстренько с ним распрощался, достал ключи и зашел к себе.

Пахло котлетами и уютom. Как-будто я попал в другое измерение.

***

В раннем сознательном детстве я знал, что каждому человеку необходимо к чему-то стремиться. Не к хорошим оценкам, не к знаниям и не к окончанию очередного урока. К чему-то большому и важному. Прошло достаточное количество времени, прежде чем я смог придумать себе цель. Она появилась неожиданно, была достаточно сложно выполнимой, но от этого только более интересной. Я хотел окно на крыше. Чтоб оно было прямо над моей кроватью, и перед сном я мог смотреть на звезды. Учитывая, что для этого был необходим частный дом, а соответственно — куча денег, для осуществления моей цели мне приходилось в начале усердно учиться в скучном универе, а теперь и вкалывать на однообразной работе. Но цель, маячившая где-то впереди, пусть и материальная и вполне простая — она заставляла меня не опускать руки и двигаться вперед. Даже мое одиночество никогда особо не пугало меня — почему-то мне казалось, что, получив окно на крыше — я получу и все остальное. А если и не получу, то достижение всего остального будет легким и ненавязчивым.

Но сейчас, зайдя домой, я словно ударился о Монумент Моего Одиночества. Ударился очень сильно, так, что из глаз брызнули искры, похожие на те самые мифические звезды за мифическим окном на мифической крыше. Стоит ли мое одиночество моих поступков? Стоит ли это окно моего одиночества? Ведь я могу приходить каждый день домой, встречаемый любимым и любящим человеком. Есть полноценный ужин, а не разогретые в микроволновке полуфабрикаты. Заниматься любовью, а не знакомиться с девочками на редких дискотеках.

Вот она, переоценка ценностей.

Я обошел Монумент Моего Одиночества, снял обувь и застыл в коридоре, не зная, что дальше делать.

Заглянул в комнату, там стоял мой компьютер, а из подключенных к нему

колонок играл какой-то из сборников Кафе Дель Мар. В первую секунду мной, как и любимым компьютерщиком, овладела ревность. Как это кто-то без моего ведома посмел включить мой компьютер?! В следующую секунду — я обдумал, что такого есть у меня на компе, чего нельзя видеть постороннему. А на третью секунду я успокоился и улыбнулся сам себе. На сколько же это не важно...

С кухни раздался лязг посуды и ее голос:

— Пришел?

Я понял, что так и стою с глупой улыбкой посреди комнаты. Вернулся в коридор, переоделся и заглянул на кухню.

***

Спустя некоторое время я уже сидел за столом, уплетая самые вкусные в мире котлеты и заедая их самой вкусной в мире картошкой.

Алиса сидела с другой стороны стола, напротив меня. Сидела, поджав ноги, и периодически поглядывала на меня, потягивая чай из моей любимой огромной чашки. Потом она пересела к окну и закурила. А я все думал о ее глазах. Волшебных зеленых глазах. Только одна вещь пугала меня — я не знал, о чем с ней разговаривать. То, что она не очередная, я понял еще вчера в клубе, по этому стандартные мои вопросы тут были ни к чему.

И пока я рылся в своей памяти, она снова повернулась ко мне и просто сказала:

— Расскажи о себе.

Хм.

Делать было нечего, и я начал рассказывать, хотя и говорить было особо не о чем.

Родился в небольшом городке, пошел в школу, потом приехал сюда, в Большой Город, поступил в институт. Жил в общежитии, учился на банкира, увлекался компьютерами. После защиты диплома родители подарили квартиру, далеко от центра, но за то свою и двухкомнатную. Работаю в фирме, занимаюсь продажей стройматериалов. На зарплату не жалею, хоть и пора уже. Мне двадцать пять. Курю, пью, ругаюсь матом.

Вот и вся биография. Простая и скучная жизнь.

Она подошла и села мне на колени. Я взял у нее из рук недокуренную сигарету, сделал несколько затяжек и затушил в пустую тарелку. А она уже целовала меня.

***

Проснувшись среди ночи, я, осторожно, чтоб не разбудить обнимавшую меня девушку, поднялся с постели. Не знаю, что меня разбудило — то ли приснилось что, то ли шумели на улице. Вышел на балкон и уставился на луну. Интересно, на кой я сдался Алисе? Молодая и красивая, ей открыты все двери в жизнь.

В голову лезли разные мысли и варианты, хоть я уже давно знал, что реальность покажет мне то, чего я не буду ожидать ни капельки. О том, что

Алиса — обычная воровка, проникающая в дома одиноких мужчин, с которыми знакомится в клубе — я подумал в первую очередь. Но время показало, что это не так.

Она ни слова не сказала ни о себе, ни о своем прошлом. Я знал о ней только то, что видел своими глазами. Красивая, молчаливая, вкусно готовит. Прямо идеальная жена из анекдота. Но ей, без сомнения, что-то нужно от меня.

Я пообещал себе поговорить с ней утром, перед работой.

Лег на кровать и через мгновение уже спал.

***

Уже не помню, снилось мне что-то той ночью или нет, но момент пробуждения я запомнил на всю жизнь. Мне в переносицу уткнулось что-то холодное и металлическое, и я, еще не до конца проснувшись, машинально оттолкнул предмет от лица. Через долю секунды над головой раздался чудовищной мощности взрыв, вся комната задвигалась вокруг и меня накрыло волной тишины. Я сел на кровати и понял, что оглох. В комнате было четыре человека. Трое в милицейской форме и человек в черном строгом костюме. В его руках дымился ствол пистолета, которым, видимо, он и тыкал мне в лицо. А в стене за моей спиной дымилась дырка от пули. Это сейчас бы я обратил внимание на то, что человек позволил себе приставить мне, спящему, к лицу пистолет со снятым предохранителем и взведенным курком... А тогда я был в состоянии полной прострации. Контузия медленно проходила, и я начал различать звуки, наполнившие мою квартиру. Милиционеры, видимо после выстрела, схватившиеся и за свое табельное оружие, о чем-то разговаривали с человеком в черном. В коридоре я заметил еще одного милиционера, на которого орал мой сосед.

— ...себе позволяете! — донеслись до меня обрывки его слов.

Я попытался встать, но меня повалили обратно на кровать ударом в плечо. Не сильным, но достаточным, чтоб я потерял равновесие и бухнулся обратно.

— Вставать вам никто не разрешал.

Он спрятал пистолет в заплечную кобуру, так и не поставив его на предохранитель.

Я уже почти оклемался, и смог взглянуть на происходящее со стороны. В моей квартире абсолютно беспочвенно находятся совершенно чужие люди (кстати — как они сюда попали? выбили бронированную дверь? интересно... и где Алиса?). «Вставать вам никто не разрешал»... он сказал это таким спокойным и пренебрежительным тоном, толкнул меня, словно мимоходом... Что я начал потихоньку звереть.

— По какому праву вы вторгаетесь в частные владения? — я смотрел прямо на человека в черном, так как сразу стало понятно, что милиция здесь просто в качестве сопровождения.

— Вам знакома эта девушка? — он протянул мне фотографию. На ней я без труда и почему-то без особого удивления узнал Алису.

— Нет, — без запинки ответил я, возвращая фото.

— Ладно... — человек в черном пропустил мимо своей ладони мою руку

с фотографией, ловко схватил меня за запястье и заломил руку за спину. От жуткой боли в предплечье я чуть не заорал. А через секунду на мне защелкнулись наручники. Человек в черном костюме взял меня под руку и через коридор повел на кухню.

Распахнутую входную дверь охранял милиционер, с которым до этого общался сосед. Они проводили меня сочувствующими взглядами, после чего милиционер принялся выпроваживать соседа из квартиры.

***

На кухне меня посадили на табуретку, на которой я чувствовал себя достаточно неуютно, учитывая то, что из одежды на мне были только трусы и наручники.

— Вы кто такой? — попытался я хоть чуть-чуть склонить чашу весов в свою сторону.

— Инспектор Саганский, — он махнул у меня перед глазами удостоверением, в котором я не успел прочитать ровным счетом ничего.

— Очень приятно, но...

— Дмитрий Сергеевич, я не люблю повторять что-то больше одного раза. Но сейчас сделаю исключение. У вас есть время на то, чтобы ответить на все мои вопросы. Но прежде, чем это произойдет, позвольте вам кое-что рассказать.

Он замолчал, доставая из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги. Среди них была еще одна черно-белая фотография, на которой в профиль с достаточно большого расстояния были запечатлены два гуляющих по берегу моря человека. Я и Алиса. Отлично... Он положил фотографию на стол, сдвинув сахарницу. Так, чтоб я отлично видел, кто на ней.

— Алиса Ивановна Матвиенко, уроженка города Николаев, восемьдесят первого года рождения. Не замужем, безработная, без прописки. Вы познакомились с Алисой в клубе «Цельсий» чуть более суток назад.

Я вдруг подумал, что мне уже два дня не удастся нормально проснуться. И почему-то подумалось, что уже и не удастся.

Инспектор смотрел мне прямо в глаза, видимо ожидая от меня какой-то реакции. Глаза у него были серые и холодные. Он явно любил свою работу, особенно ту ее часть, которой сейчас являлся я.

— Она подозревается в ряде преступлений, о которых вам лучше не знать. Среди них — убийства. Вы привезли ее к себе домой, откуда она не выходила до сегодняшнего дня. Для вас лучше будет ответить — когда и куда она ушла.

Наручники начинали натирать.

— Я не знаю никакой...

Он ударил меня в лицо. Коротко, без замаха. Кулак скользнул по носу и впечатался мне в скулу. Я упал с табуретки и ударился затылком о батарею под окном. В глазах помутнело, и я, видимо, на пару секунд отрубился.

Когда туман перед глазами рассеялся я, к своему огорчению, снова наблюдал ботинки инспектора Саганского. Он стоял надо мной и терпеливо ждал, когда я очнусь. Хорошо хоть не тыкал мне в лицо своим пистолетом.

Жутко болела голова.

Но я не поверил ему ни на йоту. И не потому, что так доверял знакомой мне всего сутки Алисе. Просто я чувствовал, что инспектор сам не верит в то, что говорит. Если вспомнить фотографию — становится ясно, что за нами следили как минимум от клуба, и наверняка моя квартира находилась под постоянным присмотром. И здесь всплывает два интересных вопроса. Почему они не удосужились вломиться ко мне вчера, когда Алиса весь день была здесь одна, или когда она выходила в магазин за продуктами? И почему они не знают где она и когда она ушла, если за квартирой следили? Естественно, задавать эти вопросы инспектору я не собирался...

Пришло время очнуться, и я, закрыв глаза, попытался перевернуться на живот.

***

Дружески протянутой руки я так и не дождался, потому так и остался валяться на полу.

— Так мы каши не сварим. Старшина, забирайте его.

И уже мне:

— Оденьтесь, Дмитрий Сергеевич, прошу вас. Но прежде — посмотрите на свою спину.

Больше не сказав ни слова, он вышел из кухни. Через несколько мгновений милиционер поднял меня на ноги и кивнув головой на выходе из кухни, сказал:

— Пройдемте.

Это слово словно переключило тумблер у меня в голове. Только сейчас я уразумел, что все происходит в действительности.

Стрельба в моей комнате.

Милиционер, забирающий меня в участок.

Удар по морде от непонятного инспектора.

Неожиданно мне захотелось напомнить о своих правах, закричать о том, что я не виновен, что все это ошибка... Даже просто проснуться, еще раз, нормально, а не от холода уткнувшегося в лицо пистолета. Но головная боль от удара о батарею и наручники на руках словно ледяной душ, возвращали меня в реальность. В реальность, где я не мог ничего сделать. И мне оставалось только покориться судьбе.

Проходя в коридоре мимо зеркала, я вспомнил слова Саганского о моей спине и, изловчившись, глянул на свое отражение.

Да уж... Мою спину, словно крылья ангела, украшали восемь кровавых полос, по четыре на каждой лопатке. Следы ногтей Алисы.

Плохо это или хорошо мне предстояло узнать намного позже.

Инспектор, видимо, уже вышел на улицу. В квартире кроме меня оставалось только два милиционера. Один все также охранял дверь, а второй, дав мне возможность одеться, снял с меня наручники и рассматривал плакаты на стене.

Поведение представителей охранных структур в очередной раз поставило меня в тупик. Мою дверь бесшумно взламывают, взламываются вчетвером, в меня тычут заряженным пистолетом, одевают наручники. А потом оставляют с одним единственным флегматичным старшиной, да еще и без наручников.

На тот момент я смог сделать лишь один напрашивающийся сам по себе вывод — все меры предосторожности были предприняты только с учетом нахождения в моей квартире еще одного человека. Алисы.

В таком случае мне можно было особо не волноваться, меня допросят и отпустят. Но чем насолила государству эта хрупкая официантка? Количество вопросов росло, но ни на один из них у меня не было возможности получить ответ.

***

Время, пожалуй, самая непостоянная и быстро меняющаяся субстанция во вселенной. Оно может нестись быстрой прохладной рекой у твоих ног и через мгновение — застыть, словно лед. А потом долгое время вязкой нефтью обтекать твое тело, вяло подталкивая в направлении собственного течения. Время всегда знает, как вести себя не нужно. И ведет себя именно так. На зло. Торопишься — барахтайся, ощущай всем телом каждую секунду, вот — секунда началась... Вдохни, выдохни — секунда закончилась. И так — до бесконечности, до сумасшествия. А хочешь продлить мгновение? Задержать время? Не тут-то было! Сверхзвуковым истребителем оно пронесется, утащив тебя за собой. Попытается стереть даже воспоминания, и, если получится — ты проиграл по всем статьям.

Бороться и побеждать — вот что всегда отличало сильного от слабого. А кто из нас хочет быть слабым?

Я спускался по лестнице, ведомый молчаливым милиционером, и чувствовал, как время замедляло свой бег...

У подъезда стояло две машины, одна — милицейские Жигули, частично перекрыла проезд во двор. От возмущенных воплей милиционеров спасло только время суток — позднее утро пятничного дня, когда никто никуда не едет. Половина уехала на работу, вторая половина — мирно спит у себя в постелях.

Рядом с Жигулями припарковался седан черного цвета, без каких-либо опознавательных знаков. В автомобилях я не силен, но вроде бы Тойота. За опущенным стеклом я без труда разглядел товарища Саганского.

Не знаю почему, но я ни капельки не удивился ни тогда, когда вместо милицейской машины меня запихнули на заднее сиденье машины инспектора, ни тогда, когда на одной из развилок, ведущих к выезду из моего спального района в город мы разъехались. Милиция свернула, а мы с инспектором продолжили наш путь к центру. Я хотел было заикнуться о том, что мне вообще-то сегодня надо на работу, но глядя в аккуратный затылок инспектора, я предпочел молчать.

В машине было душно. Даже не смотря на открытое окно я обливался потом.

Дорога почти пустая. Слева — пустой тротуар, справа — пустые трамвайные пути. Шелестят шины по раскаленному асфальту. Рычит мотор.

Прямо фильм ужасов какой-то.

Мое сознание с видимым удовольствием принялось рисовать жуткие картины ближайшего будущего. Вот мы сворачиваем с дороги. Машина беззвучно замирает на краю пустыря, заваленного промышленным мусором вперемешку с пустыми бутылками. Инспектор вытаскивает меня из машины, бросает на землю, поднимает пистолет... Я с ужасом смотрю в черный провал пистолетного дула, несущий мне смерть. И инспектор, с диким хохотом, стреляет мне прямо в лицо...

Ну, конечно я утрирую. На встречу нам периодически мчались машины. Вдоль дороги гуляла парочка с огромной собакой на поводке. Прогрохотал трамвай. Мы останавливались на светофорах, и мотор рычал немного тише. Но все равно — я чувствовал себя одиноким. Телефон мне не позволили взять с собой. Это, кажется, было нарушением какого-то соглашения о правах человека, но... Кого это волновало? Может инспектора, когда он ударил меня на моей же кухне?

Да и куда я собрался звонить? Родителям... Смысл? Заставлять их нервничать, просить поднимать какие-то связи? Я ведь еще не уверен, что меня могут хоть в чем-то обвинить.

Друзьям... А они у меня есть? Есть товарищи, знакомые, коллеги и сослуживцы, но не более. Посочувствуют в трубку и посетуют на то, что не могут ничем помочь, так как именно сегодня уезжают в срочную командировку в Душанбе. На два года.

На работу... Опять же — зачем? Предупредить, что меня нет. Ну, разве что. Пожалуй, моя секретарша — единственная, кому интересно где я. И то, только чтоб было о чем посплетничать.

Да. Есть один человек, которому бы я с радостью позвонил. Это Алиса. Уж не знаю, во что вляпалась эта девочка, и зачем она моему горячо любимому инспектору Саганскому... Но я хотел бы узнать. Просто из природного любопытства.

— Думаете про Алису?

Я вздрогнул так, будто мне в глаз воткнули раскаленный гвоздь. Хотя нет, пожалуй, тогда я не смог бы вздрагивать. Но не суть.

Заговорил инспектор, со времени посещения моей кухни не проронивший ни слова. Неужели мои мысли так читаются у меня на лице. Я глянул в зеркало заднего вида, потом в оба боковых зеркала. Ни в одном из них он видеть меня не мог. Да уж...

— Я понятия не имею, о ком вы.

Это был самый умный ответ, на который я был способен в тот момент. Хотя, возможно я бы еще что-то добавил, пользуясь тем, что находясь за рулем, инспектор ударить меня не мог... Если б в следующую секунду машина не развернулась вокруг своей оси, не перевернулась на крышу и в таком положении проехав с десятков метров, не ударилась о дерево. А так как все вышеописанное все-таки произошло, уж не знаю, к счастью или нет — но способность разговаривать я на некоторое время потерял. В какой-то момент я потерял и сознание, поэтому при ударе о дерево через заднее

стекло перевернутой машины мое тело вылетало уже ничего не соображая.

***

Терять сознание второй раз за час — не самое приятное времяпрепровождение. Да еще и оба раза — от удара головой. Уж поверьте мне.

Голова раскалывалась на куски, как после самой жуткой пьянки и двухчасового сна на камнях. Судя по ощущениям, не плохо досталось и моей спине.

Я даже не пытался встать, оперся на руки и сел на землю. Взгляд медленно фокусировался, открывая мне необычную картину.

Дорога, по которой мы ехали, была знакома мне, как пять пальцев, ведь я ездил по ней дважды в день уже несколько лет. За моей спиной — парк, с этой стороны дороги отгороженный деревьями, в одно из которых сейчас уткнулась перевернутая машина инспектора. С противоположной стороны — заправка, и поворот дороги, ведущий к жилому сектору. За заправкой, после небольшого пустыря, на месте которого когда-то собирались построить торговый комплекс, а сейчас поросшего высоченной травой, высились древние пятиэтажные дома. Дорога — шестиполосная трасса, по которой редко ездят со скоростью меньше 80-ти километров в час.

Посреди нее стоял грузовик с прицепом, вроде бы КамАЗ, который очень умело подрезал нас. Судя по всему он вылетел как раз со стороны домов, вмазавшись в черный бок Тойоты. Царапины на асфальте, то и дело сопровождавшиеся кусками обшивки, осколками стекла и парой отвалившихся колпаков — позволяли отследить всю траекторию нашей парковки у дерева. Со стороны заправки к нашей машине бежало несколько человек. Я подполз к машине и заглянул в салон — инспектор лежал на крыше. Из-за положения тела лица я разглядеть не мог, но судя по лужице крови — Саганскому досталось куда больше, чем мне. В первую секунду я подумал, что уже не услышу его голоса (что меня, по правде говоря, ни капельки не расстроило бы), но присмотревшись, я увидел, что он дышит.

По грузовику вообще невозможно было определить, что он стал виновником ДТП. Разве что правая фара разбита да поцарапан бампер. В кабине КамАЗа было пусто. Это меня, почему-то, удивило меньше всего.

Удивляло меня только то, что уже несколько часов в моей жизни происходили события, участником которых я мог себя представить разве что просматривая вечером какой-нибудь боевик по телевизору. И эти события меня совершенно не удивляли.

Я попытался встать, и в эту секунду в моей голове зазвучал приказ. Не внутренний голос, как я тогда подумал, а именно приказ, нарушить который было бы невозможно. Приказ звучал коротко и ясно: «Беги». Он был таким-же естественным, как «дыши» или «живи», по этому я и не подумал сопротивляться.

И побежал. Откуда, из какого резерва организма я взял эти силы, не знаю до сих пор. Время из вязкой субстанции вновь превратилось в ледяной горный поток, несущийся между камней... Но я все равно бежал быстрее.

Я пронесся мимо бежавших навстречу ребят с заправки, даже не взглянув на них. Я бежал, бежал, бежал. Позабыв о головной боли, не замечая раны на спине, кровью которой пропиталась уже вся футболка.

Остановился я, добежав до переулка между двух пятиэтажек. Не могу сказать, сколько времени я бежал. По моим ощущениям — секунд пятнадцать. А в действительности — кто знает?

Футболку, пропитавшуюся потом и пылью, а сзади еще и кровью, я стянул через голову и бросил на землю. Тогда я еще не знал, что совсем не повредил спину, вылетая из машины. Болели и кровоточили царапины на моей спине, оставленные на память Алисой. К тому-же через некоторое время я, кажется, вообще забыл о своей спине.

Я прошел еще немного вперед, но, поняв, что это предел, прислонился к стене дома, чтобы отдышаться.

Зачем я побежал? Ведь до этого меня не могли обвинить ни в чем. А сейчас я — подследственный, сбежавший с места преступления.

***

У меня был друг, его звали Сережа. Точнее он и сейчас где-то есть, но мы уже не друзья. Жизнь, как всегда, расставила все по понятным только ей местам, и в силу обстоятельств мы не общались уже почти пять лет. Так вот. Когда-то, еще в раннем школьном возрасте, мы бегали курить в тайне от родителей на пустырь за домами. Пустырь порос высоченной травой, и не было ничего лучше в моей жизни, чем лежать на спине, в гуще этой травы. И выпускать кольца дыма в синее небо. И общаться с Серым на какие-то возвышенные темы.

Как сейчас помню, было начало июля. Мы лежали, глядя в небо, у нас не было никаких проблем, вся жизнь была еще впереди и все было прекрасно. Над нами проплывали огромные бело-серые облака и Сережа сказал: «Это взрывы». Ни с того ни с сего он это сказал.

— Облака — это взрывы в небе. Там взрываются ледяные замки. И сейчас нас засыплет осколками.

А через пять минут пошел град.

Наверное, именно тогда я стал смотреть на вещи иначе. Видел или думал, что видел — совершенно другое. То, что обычный человек в обычной жизни не замечает. Нет, я не был каким-то особенным провидцем. Просто мне хотелось разнообразить свою жизнь, восприятие привычных вещей. Хотя бы вот так, искусственно.

Может быть, именно благодаря этому я воспринимал происходящее немного со стороны. Мое сознание уселось в кресло, и, похрустывая попкорном наблюдало за необычными событиями с неподдельным интересом.

Восстановив дыхание, я огляделся. Классические сталинские пятиэтажки, в народе просто «сталинки», всего четыре, поставленные квадратом. Оазис прошлого, затерявшийся у дороги, соединяющей спальный район с городом. Ностальгическая пожарная лестница на глухой стене каждого из этих домов

настойчиво убеждала в том, что высокоскоростной беспроводной интернет, мобильная связь третьего поколения и расшифрованный геном человека — не более, чем выдумки. Здесь было так тихо и спокойно, будто я в действительности попал в другой мир. Давящая жара буднего дня загнала лентяев по домам, а трудоголиков — по офисам. В тихом и зеленым листвою дворике между четырех древних пятиэтажек не было почти никого. Только на противоположной от меня стороне две молодые девушки болтали о чем-то своем, сидя на скамейке и покачивая маленькие детские коляски. Это зрелище умиротворяло и расслабляло. Я только сейчас почувствовал то, как сильно я устал. Недосыпания, стрессы и беготня выжали меня, как лимон.

Где-то в глубине сознания засела мысль о том, что надо что-то делать. Куда-то идти, кому-то позвонить, кого-то в чем-то убедить. Мысль о том, что меня, скорее всего, уже ищут, и скорее всего уже очень скоро найдут. Мысль об Алисе, которую надо найти и защитить... Но растолкав локтями эти мысли пришла более желанная — лечь на землю и уснуть. Отключиться, отрешиться, уйти от всего этого. И будь что будет. Борьба с этой мыслью не то, что не хотелось — было практически невозможно. Остановись. Присядь. Найди точку опоры. Закрой глаза. Расслабься. Расслабься, расслабься, расслабься... И усни.

***

Находясь под водой почти у поверхности, я сдерживал дыхание, чтобы сберечь воздух в легких. Но, едва выглянув из воды, я не смог закричать, призывая на помощь. Организм торопился скорее получить порцию кислорода. Я находился в вертикальном положении, руки вяло двигались под водой, стараясь ухватиться за ступеньки несуществующей лестницы. Это продолжалось не больше минуты. Когда последние силы покинули меня, я начал медленно опускаться под воду. Я задерживал дыхание столько, сколько мог. В груди сжимало, давило. Когда терпеть было уже невозможно, я вдохнул немного воды, захлебнувшись и начав откашливаться я глотал еще и еще. Ледяная вода, мощными толчками отправляемая в организм, перекрыла гортань и залила легкие. Я чувствовал, что мои внутренности горят, разрываются. И, наконец, я потерял сознание от нехватки кислорода. Остановилось сердце, проработав вхолостую еще несколько минут, отключился и мозг. Наступила тишина и темнота. Но в этой темноте было что-то странное. Какая-то крохотная но яркая зеленая точка. Словно битый пиксель на мониторе.

Открыв глаза я увидел, что прямо на меня уставилась звезда. Мы долго играли в гляделки, пока до меня не дошло, что наступила ночь. Не поздняя, так как в небе появилась только первая звездочка, но тем не менее — ночь. Я лежал на спине, на асфальте, и смотрел в небо. И пролежал так, наверное, часов двенадцать. А потом через меня что-то перепрыгнуло и, застучав когтями, унеслось прочь. Естественно, тогда я подумал, что это обычная дворовая собака. Но именно с этого момента начинается, собственно, сама история.

Я поднялся с асфальта, благо он был все еще горячий. Тело, к моему большому удивлению, совсем не болело. На улице было все также

малоллюдно, трое детей проехали совсем рядом со мной на велосипедах, опасливо оглядываясь в мою сторону. Ну да, я мог их понять... божж проснулся, так себе зрелище.

Если честно, все что произошло в последнее время — просто загнало меня в тупик. Я наверное был бы рад сейчас сидеть в обезьяннике нашего милицейского участка. Хотя бы знал, что делать — упереться лбом в стенку и ждать. А вот в моей теперешней ситуации так не поступить. Надо было действовать.

Чуть пошатываясь, все-таки от долгого лежания ноги онемели, я обошел дом и вышел к тропинке, ведущей через заросший высокой травой пустырь. Именно по этой тропинке я прибежал сюда от дороги, а значит она и выведет меня обратно.

Пока я шел, в голове моей происходили странные вещи. Там звучали мысли, много и одновременно. При чем я готов был поклясться, что большинство этих мыслей не были моими. Я пытался слушать эти отголоски, но они медленно гасли, как осколки сна после звонка будильника.

Стемнело окончательно, только взошедшая луна тускло освещала контуры окружающей меня высокой травы. Было так тепло и так тихо, что я тогда даже не подумал о том, что мне должно быть страшно. Да и чего бояться? Вдалеке виднелись огни проезжающих машин.

Я шел, постепенно составляя для себя план действий. И в общем-то, план этот был довольно простой — дойти до дороги, вдоль нее дойти до дома (благо идти не больше двадцати минут), зайти в квартиру, приготовить себе поесть, выпить чаю, покурить и ждать. Иными словами смоделировать ту самую ситуацию «в обезьяннике», только в более комфортных условиях.

***

Она лежала на траве, всего в шаге от тропинки, по которой я шел. Когда я подошел, Алиса приподнялась на локтях и посмотрела на меня. Посмотрела на меня своими волшебными зелеными глазами. И на мгновение будто подул теплый морской бриз, сдувая все мои тревоги и сомнения. Заткнулись голоса в голове, из тела ушла боль и усталость. Хотелось просто смотреть ей в глаза. Окунуться в них с головой, нырнуть в этот темно-зеленый омут и остаться навсегда на его спокойном дне.

Но это мгновение быстро прошло. Его прогнали все те вопросы, которые крутились в моей голове с того самого момента, как инспектор Саганский разбудил меня выстрелом из пистолета.

— Привет, — сказал я.

Потом, вспомнив наше второе знакомство, добавил:

— Ты куда делась?

Алиса только улыбнулась, продолжая лежать на траве и глядя мне прямо в глаза. Только сейчас я заметил, что она не может отдышаться. Как будто очень долго куда-то бежала.

Или от кого-то.

Но я не мог больше сдерживать свое любопытство. К тому-же от ее ответов зависела, частично, и моя жизнь.

— Ты ушла пока я спал?

— Да.

— Ты знаешь, что за тобой приходила милиция?

— Да.

— И какой-то инспектор?

— Саганский, да.

— А ты в курсе, что меня хотели отвезти в участок, но машина попала в аварию, и я убежал, а потом отрубился вон у тех домов и очнулся только сейчас?

— Да.

Слега шокированный ее ответами, я немного помолчал, а потом задал совсем не тот вопрос, который хотел:

— Почему утром ты не забрала меня с собой, если все знала за ранее?

И услышал в ответ:

— Вдвоем мы бы не ушли.

Я сделал несколько шагов вперед, присел рядом с ней на траву и сказал:

— Расскажи мне. Расскажи, я хочу знать что происходит.

Ее глаза прищурились и она быстро-быстро проговорила:

— Я расскажу все, но, к сожалению, сейчас не получится.

— Почему?

Вместо ответа Алиса просто подняла палец к небу. А в следующее мгновение с неба в нас впился ослепительно белый свет прожектора.

***

Она схватила меня за руку и потянула за собой, выдергивая из яркого круга. С вертолета, а это мог быть только вертолет, загремел усиленный мегафоном голос:

— Остановитесь на месте и поднимите руки вверх! Остановитесь на месте и поднимите руки вверх! У нас есть разрешение открыть огонь!

У меня внутри все похолодело... С вертолета по мне еще не стреляли. Да по мне вообще до сегодняшнего дня стреляли только в компьютерных играх!

Алиса, не выпуская моей руки, углублялась в заросли высоченной травы. Мне трава была по шею, а Алису скрывала почти полностью. За нашими спинами вертолет шарил прожектором по земле. По неволе продолжая движение вслед за Алисой, я, уже не пытаюсь хоть что-то упорядочить в своей голове, подумал о том, как так получилось что мы не услышали шум винтов вертолета. Ну то есть я не услышал, как не слышал и сейчас. Но оборачиваться времени не было, Алиса выпустила мою руку и бежала все быстрее, не забывая при этом петлять, и я сосредоточил все свое внимание на ее спине, боясь потерять из виду свою... Кого? Спасительницу? Губительницу? Девушку? Что за бред...

— Остановитесь на месте и поднимите руки вверх! Остановитесь на месте и поднимите руки вверх! У нас есть разрешение открыть огонь!

Неизвестного человека, вещавшего с вертолета, видимо утомили постоянные повторения и по нам открыли огонь. Застрекотал пулемет, а может и два сразу, я так и не успел разобраться. Стреляли они наугад, потому что прожектор так и не смог зафиксировать нас. Но пули выполнили другую роль — роль катализатора, который открыл потаенные возможности моего организма, и я побежал еще быстрее, догнав и даже немного перегнав Алису.

— Стой!, - крикнула она мне в след, но было уже слишком поздно.

Я стрелой вылетел из травы, со всей скорости ударился плечом в дерево, и уже в полете, зацепившись ногами за бордюр, вывалился на горячий асфальт. Стараясь встать как можно быстрее, я, тем не менее, успел посмотреть по сторонам. Мы оказались на небольшой двухполосной дороге, соединявшей большую трассу с домами, от которых я ушел совсем недавно. Обычно такие дороги, особенно в столь поздний час, бывают абсолютно пустыми, но сегодня все было не так, как обычно. Вдоль всей дороги, с почти равным интервалом, стояли милицейские машины. Жигули, «бобики», несколько газелей, даже машины ГАИ и, что удивило меня больше всего — военные. Разворачиваясь к ним, потому что убежать было уже просто глупо, я мельком глянул на Алису, вовремя остановившуюся у самого края спасительных травяных джунглей. На мгновение мне показалось, что рядом с ней стоит еще какая-то фигура, а Алиса что-то шепчет. Она смотрела на меня, но я почему-то сразу понял, что слова эти адресуются вовсе не мне. Только спустя несколько секунд, уже повернувшись лицом к людям с оружием, я понял, что она шептала.

— Пожалуйста.

Я решил молчать и терпеть. Что бы сейчас со мной не делали. И еще я решил во что бы то ни стало узнать правду. Именно ту правду, которую мне скажет Алиса. Эх, если бы я тогда знал...

— На колени! Руки за голову! Лицом в землю! — заорали мне из-за ближайшей машины. Все остальные тоже оцетинились стволами, от пистолетов и до крупнокалиберных автоматов.

Скажу вам откровенно, очень сложно ложиться лицом в землю, когда руки у тебя за головой. Попробуйте как-то, на досуге. А если не будет получаться, попросите кого-нибудь наставить на вас заряженный ствол. Тогда вы ляжете на землю так быстро и профессионально, будто занимались этим каждое утро всю свою жизнь.

Ко мне подошли, заломили руки, нацепили наручники, подняли с земли, подтащили к машине, повалили на капот, обыскали и запихнули в «салон» «бобика». Там было темно и жутко воняло смесью мочи и блевотины. Меня чуть не стошнило, и я, на сколько смог, прижался лицом к единственному окну-сетке, через которое можно было разглядеть часть дороги а главное — глотнуть немного свежего воздуха.

Милиция особо не таилась от меня, и я в который раз понял, какую

мизерную роль играю во всей этой истории. Из рации, висящей на поясе у стоящего ближе всех ко мне милиционера, я слышал достаточно, чтобы представить себе общую картину происходящего.

Пустырь окружили со всех сторон, и сейчас круг понемногу сжимался. По планам, беглецы должны были выйти именно к этой дороге. Собственно, я так и сделал, но осталась еще Алиса. В облаве, судя по всему, использовались практически все свободные, и не очень, милицейские силы, два вертолета с военной базы и даже пограничники, те самые военные которых я видел. И если участие пограничников меня удивило не особо, благо морская граница с соседним государством всего в десятке километров, то наличие двух вертолетов меня повергло в шок. Два вертолета! Этот пустырь не такой уж и большой, отходя от старых пятиэтажек я уже мог слышать шум с трассы по другую его сторону. А здесь — два вертолета, и абсолютная тишина.

Эти вертолеты так сильно поразили меня, хоть и идеально вписывались в абсурдную картину происходящего, что я не сразу заметил, как замолчала рация у стоящего рядом со мной милиционера. Он снял ее с пояса, потряс, послушал, покричал «Прием! Прием!» и упал на землю, сбитый огромной черной собакой.

Я отшатнулся от окна, поморгал, сжал руки, чтоб почувствовать, что это не сон и не бред. Хотя почему? Все происходящее иначе как бредом и не назовешь. Снова выглянув в окно я стал свидетелем того, как еще несколько огромных собак, выпрыгивая из кустов на противоположной стороне дороги, стали нападать на милиционеров. Наконец те открыли огонь.

Я повалился на пол «бобика», в миг забыв про запахи и грязь. А через секунду машину прошила автоматная очередь. Потом еще и еще. Звякнули разбитые стекла кабины. Одна из пуль пробила колесо, и машина слегка просела.

Когда все стихло, я принялся считать до ста, пытаюсь сберечь собственную шкуру и побороть врожденное любопытство. На сорока четырех я не выдержал, подполз к окну и, облокотившись о дверь, попытался выглянуть на улицу. Дверь оказалась открытой, и я вывалился из смрадного салона «бобика» в тишину летней ночи. Тишину.

Вся дорога, на сколько хватало освещения уцелевших после бойни фар, была устелена трупами, на которые уставились равнодушные звезды. Под каждым — лужа крови. Я поискал глазами собак, но не нашел ни одной. Как не было и ни одного выжившего.

Как же так, что же это, что же происходит?... Меня начало трясти, я попытался отползти назад, залезть в «бобик», запереться там и ждать до тех пор, пока не приедет подмога. Пусть меня посадят в самый грязный обезьянник за самую толстую решетку, только бы быть подальше от этого дикого побоища.

Отползая назад я уткнулся во что-то мягкое, вскрикнул, дернулся как ужаленный и развернувшись увидел Алису. Она прижала палец к губам, призывая меня молчать. Вся ее шея, от подбородка и практически до плеча, была залита темной кровью, хоть самой раны я и не видел. Она расстегнула

наручники на моих руках невесть откуда взявшимся ключом, и помогла встать. Потом, потянув за собой, запихнула на пассажирское сиденье ближайших ко мне милицейских Жигули. Сев на место водителя, Алиса завела машину и мы помчались прочь.

***

Только когда трупы и расстрелянные машины остались далеко позади, а мы неслись с включенными мигалками на огромной скорости по автостраде прочь из города, я обрел дар речи. И сразу закричал:

— Останови машину! Выпусти меня! Выпусти!!!

Алиса глянула на меня всего на мгновение, и вновь сосредоточилась на дороге. Потом сказала:

— Я этого не хотела. Все зашло слишком далеко. Я не хотела этой крови, опять... Но я не могу сейчас тебя выпустить, теперь уже не могу.

Ее голос дрожал, но глаза оставались сухими. И мысль, которую я увлеченно хоронил последние двадцать минут, все таки выкарабкалась из-под земли и вернулась в мою голову. Соглашусь ли я сейчас сбежать от нее, так ничего и не узнав? Что я выберу, рутину офисного планктона или приключения с этой девушкой-тайной? Ее глаза, если бы не ее глаза...

Кажется, она поняла все без слов. Мы приближались к заправке, отъехав от города уже километров на пятнадцать. За все время мы не встретили ни одной милицейской машины, даже пост ГАИ на выезде из города был пуст. Алиса сбросила скорость перед заправкой, сказала «подожди меня здесь десять минут» и остановила машину.

Я вышел, а она помчалась дальше. Что бы не случилось дальше, хуже уже не будет, наивно подумал я тогда. Порывшись в карманах, я извлек на свет несколько мятых бумажек.

Автозаправка была абсолютно пустой, да и на дороге машин было не особо много. Виной всему было, скорее всего, время — раннее утро субботы. В магазинчике при заправке заспанный парень лет двадцати продал мне сигареты, не обратив никакого внимания на мой внешний вид, что меня вполне устраивало.

Пока мы ехали в милицейской машине я нашел простую белую майку. Наверное, милиционер снял ее чтоб нацепить бронежилет, которые в итоге ему все равно не помог. А может и нет, да и какая уже разница? Брезгливостью я не страдал, а накинуть что-то было необходимо. Хотя сейчас, глядя на свое отражение в витрине магазина, я понимал, что особой разницы не было — что в майке, что без майки. Царапины и порезы вперемешку с грязью и потом впитались в белую ткань и не скрывали моего плачевного состояния. Рваные и жутко грязные джинсы... Да, видок еще тот.

Я присел на бордюр возле вывески «NO SMOKING» и с удовольствием затянулся. Первая сигарета за сутки слегка вскружила голову, дым прогнал из головы все мысли и подарил несколько мгновений расслабления.

Сигарета закончилась предательски быстро, но я не успел закурить вторую, ко мне подошла Алиса.

***

— Пойдем, я отвечу на все твои вопросы. Только нам надо уйти от дороги.

— Ты спрятала машину?

— Да, ее никто не найдет сейчас... А потом уже не важно будет.

Мы обошли заправку, обошли заросший травой холм и побрели вдоль поля, с которого на нас таращились миллионы подсолнухов. Солнце медленно поднималось в зенит.

Я молчал, из принципа или из вредности ожидая, когда заговорит она.

— Задавай вопросы.

Она сказала это еле слышно, не глядя на меня, стараясь смотреть только в потрескавшуюся от жары землю.

— Ну давай по порядку, — обрадовался я, — во первых — кто ты такая? Я знаю, что никакая ты не Алиса Ивановна Матвиенко.

Алиса улыбнулась, но ничего не сказала, ожидая продолжения.

— Потом — кто такой этот инспектор, он ведь не из милиции, это и дураку понятно. Кто был за рулем КамАЗа, который в нас врезался? Что это за огромные собаки? И что за, мать их так, невидимые вертолеты!?

Она остановилась.

— Это все?

Я тоже остановился и кивнул. Вроде как все.

— Ну тогда давай перекурим, потому что разговор будет долгий.

Мы отошли к лесопосадке, растущей вдоль всего поля и сели прямо на теплую землю в тени деревьев. Закурили, сидя напротив друг друга. Я смотрел прямо ей в глаза, но никак не мог поймать ее взгляд. Алиса смотрела чуть в сторону от меня, на огненно-желтое поле. За время нашего знакомства это был второй и последний раз, когда мы так сидели. Первый раз был, казалось, уже тысячу лет назад — на моей кухне.

Она начала говорить. И чем больше она говорила, тем холоднее становилось вокруг, даже несмотря на жаркое южное солнце и теплую землю. Она говорила, я слушал. И все больше осознавал, что холодок страха — это не метафора.

— Если ты не против, я начну с последнего вопроса, так как он самый простой. Вертолеты не невидимые, они бесшумные. Модель КА-53/3, или как-то так. Я не сильна в технике. В общем и целом — они экспериментальные, сейчас проходят испытания в пограничных районах страны. В расположении военной части города был всего один такой вертолет, и откуда пригнали второй я не знаю.

Она помолчала.

— Кстати один вертолет военные потеряли во время этой операции...

Я ошалело смотрел на нее.

— Ты шпионка? Разведчик американский?

Она засмеялась и наконец посмотрела на меня.

— Я же сказала, что не сильна в технике, какой из меня разведчик? Нет, я не шпион. Теперь о инспекторе. Ты совершенно верно сказал — к милиции он отношения не имеет. Он, скорее, сотрудничает с внутренними войсками, получая при этом практически неограниченные полномочия. Его ведомство это нечто вроде Интерпола или международной организации по борьбе с терроризмом, только с большой дозой религиозности. Пожалуй точнее всего его организацию можно назвать Инквизицией, а его — охотником на ведьм.

Не дав мне опомниться и задать еще тысячу вопросов, она продолжала:

— А вот на все остальное ответить можно за раз. За рулем КамАЗа были те же, кто напал на милиционеров. И я — одна из них. Мы оборотни.

***

Существует легенда, рукописный вариант которой со временем стал самой настоящей Библией и одной из важнейших реликвий. Если ей верить — все началось две тысячи двести лет назад.

Откуда взялся первый оборотень, Отец, никто не знает. В Библии людей есть упоминание о том, что ликантропией болел вавилонский царь Навуходоносор, но по всей видимости это всего-лишь совпадение.

Однажды человек в странной одежде явился жителям одной маленькой деревушки у реки Днестр. Он был ранен, не тяжело, но потерял много крови. Его приняли, перевязали и залечили рану. Но когда человек стал благодарить своих спасителей — никто не мог его понять, он говорил на совершенно неизвестном языке и также не понимал жителей деревни. Старейшины разрешили ему остаться еще на одну ночь после выздоровления. Приказали дать ему одежду, еду и отправить прочь из деревни, так как неизвестный пугал их.

В эту безоблачную летнюю ночь над крышами поднялась огромная полная луна. Жителей деревни разбудил страшный, не похожий ни на что вопль. Пока люди просыпались один за одним, выходя из своих хижин — что-то страшное носилось по деревне, убивая их. Одного за другим. К утру, когда небо стало светлее, пропала луна и вот вот должно было появиться солнце — в деревне осталось в живых только одно существо. Загадочный человек поднялся на ноги посреди деревенской площади. На нем были лохмотья, оставшиеся от его странной одежды, и весь он, от кончиков пальцев ног до кончиков волос, был покрыт кровью. Но это была не его кровь.

Существо, которое следующие две тысячи двести лет будут называть с благоговением и трепетом — Отец, ушло и больше никто никогда не видел его. Легенда гласит что он был послан с единственной целью, выполнив которую вернулся туда, откуда пришел.

В деревне проживало сто сорок четыре человека. Семьдесят из них были разорваны и частично съедены, у остальных была прокушена шея. Спустя сутки тринадцать из семидесяти четырех поднялись на ноги. Эти мужчины, женщины и дети стали Тринадцатью Детьми Отца — бессмертными оборотнями, несущими его кровь.

Шли годы, десятилетия. Тринадцать медленно осознавали силу, подаренную им. Слишком медленно. В далеком будущем огромные ресурсы потрачены на то, чтобы стереть из человеческой истории страшные страницы становления Тринадцати. Пожирались деревни и даже целые города. Уничтожались посланные для преследования армии...

Спустя сто лет Тринадцать собрались вместе, чтобы решить свою судьбу и судьбу мира. Они так и не смогли прийти к общему решению, и разделились на две группы — пятеро настаивали на том, что люди — скот, который надо разводить для питания. Остальные восемь более реально смотрели на мир.

Уже тогда опытным путем было доказано, что принять силу оборотня может только двадцать из десяти тысяч человек. То, что из такой маленькой деревни смогло выйти тринадцать оборотней, говорило об огромной удаче, а скорее — об огромной силе Отца. За сто с небольшим лет Тринадцати удалось инициировать всего около тысячи оборотней.

Людей, так или иначе, всегда будет больше, намного больше, по этому вторая часть — Восемь Детей Отца — решили построить свое общество, общество оборотней. И им это удалось. Более двух тысяч лет оборотни сосуществовали с человеком, умеряя свои аппетиты до вполне незаметных для общественности масштабов. Что стало с Пятью Детями Отца, отказавшимися от мира с людьми, стало известно совсем недавно. Они разделились, приняв одиночество как плату за могущество, рассредоточившись по самым безлюдным местам планеты. И именно они послужили причиной появления Инквизиции, которая в последствии уничтожила их и тех, кого они успели инициировать.

Как выглядит оборотень? Фильмы, финансируемые Детями и просто снятые «по мотивам», за частую, имеют мало общего с реальностью. Исследовательские лаборатории, используя последние разработки в области биотехнологий и генной инженерии смогли выяснить, что эта мутация включает в себя кроме всего прочего перестройку цепочки ДНК, появление четырех новых генов и, как следствие — полное изменение метаболизма человека. Оборотню нужны вода и воздух, также, как и человеку. Однако с питанием все намного сложнее. Годы исследований и опытов позволили оборотням частично перейти на обычный человеческий рацион. Это было тяжело и унижительно — переходить на пищу, которую употребляют низшие существа — люди. Однако полностью отказаться от человеческой крови оказалось невозможно, большинство употребляло ее покупая образцы у банков крови. Замена человеческой крови на кровь животных часто приводит к параличу и смерти оборотня из-за отторжения тканей. Тем не менее, такое понятие как охота изжило себя.

Несмотря на могущество и огромную физическую силу, уже две тысячи лет оборотни вынуждены жить в подполье. Виной тому — святой орден Инквизиции, который почти полторы тысячи лет тренирует лучших воинов и специалистов в различных сферах, которые занимаются охотой на оборотней. И если раньше перевес сил был на стороне оборотней, то, с появлением огнестрельного оружия и серебряных пуль — акценты сместились. Раньше чтобы убить одного оборотня собирались силы десятков и сотен инквизиторов.

Сейчас достаточно одного инспектора.

Как происходит инициация? Примерно 0,002% населения земли обладают некоторыми врожденными особенностями организма, которые позволяют принять кровь оборотня и перестроить организм. Остальные 99,9% погибают в течении пятнадцати часов после инициации, в основном не приходя в сознание. Первой отключается их иммунная система, затем — зрение и вестибулярный аппарат, после этого их добивают вирусы, являющиеся неотъемлемой частью крови или слюны оборотня. Один из них, названный в последствии Синдромом Повышенного Иммунного Дефицита человека, был получен как раз в результате опытов оборотней над людьми. Еще одно заболевание, полученное человечеством от оборотней, по забавной случайности названо Волчанкой, и до сих пор с трудом диагностируется. Это аутоиммунное заболевание, при котором вырабатываемые иммунной системой человека антитела повреждают ДНК здоровых клеток, путая их с больными, а точнее — оторгая изменения в ДНК. Почему происходит так — неизвестно, возможно такова природа человека, и лишь двое из тысячи рождаются с более сильным иммунитетом, чем у остальных.

Оборотни боятся, пожалуй, только двух вещей — одиночества и серебра. Почему серебра — неизвестно до сих пор, но серебро при контакте с внутренними органами вызывает появление тромбов, закупорку жизненно важных сосудов, отключает свертываемость крови и в итоге приводит к смерти. Тело оборотня выдерживает прямые попадания из крупнокалиберных пулеметов как раз благодаря огромной скорости регенерации и свертываемости крови, но только если пули не серебряные. При контакте с кожей серебро может вызвать легкий ожог.

Превращение? Связь между превращением и полнолунием — миф. Да и схожесть с собакой или волком весьма поверхностна. Существо, называемое оборотнем не похоже ни на что. Вопреки всем сказкам у оборотней довольно короткие и практически не меняющиеся после превращения зубы. Костная ткань вообще не подвергается изменениям. Схожесть с известной мифической болезнью — ликантропией, также далека от реальности. И хотя многие оборотни называют себя и вервольфами, и волкодлаками, и ликантропами — основное, что меняется, это мышцы. В теле человека около шестисот сорока мышц, в теле оборотня — до двенадцати тысяч, в зависимости от возраста. Чем чаще и дольше человек находится в состоянии оборотня — тем больше у него происходит деление мышц. Как и у человека, мышцы оборотня, состоят из упругой и эластичной ткани, способной сокращаться под влиянием нервных импульсов. Однако мозг оборотня посылает куда более мощные и «быстрые» нервные импульсы, что значительно повышает скорость реакции и множество иных параметров. Большинство оборотней использует свои зубы для убийства жертвы, компенсируя слабость челюсти огромной силой мышц шеи. Единственное, что нельзя никак объяснить, и причина, почему сказки и желтая пресса считают оборотней людьми-волками — шерсть. Есть три основных цвета — светло-коричневый у молодых оборотней, иссиня-черный у зрелых и самых сильных и снежно-белый у старейших.

Сейчас инициация происходит под строгим руководством старших.

Последние разработки ученых позволяют с большой вероятностью определить предрасположенность человека к инициации, потому бессмысленных жертв стало гораздо меньше. После первого превращения оборотень не может контролировать себя, его захлестывает жажда крови и плоти, поэтому, обычно, его помещают в закрытое помещение, заваленное свежими коровьими тушами и емкостями с человеческой кровью. Спустя сутки после превращения проводится обряд принятия, после которого молодого оборотня посвящают в касту и передают одному из кланов. Когда-то кланов было восемь, по одному на каждого из Детей, с разделением сфер влияния, с огромными резиденциями во всех крупных городах мира. Сейчас деление на кланы стало весьма поверхностным — оборотней становится все меньше и меньше, Детей осталось трое, ведь они — главная цель Инквизиции. Сейчас все — один большой клан.

А теперь начинается самое интересное. В легенде есть последняя страница. В ней говорится о том, что один из Тринадцати Детей Отца несет в себе «зерно мести». В разное время его называли по-разному, сейчас чаще всего употребляют термин «аварийный выход». Он проявит себя тогда, когда оборотни окажутся на грани вымирания. Никто не знает, что должно произойти. Легенда гласит, что сам Отец вновь явится в облики человека, чтобы запустить его. Большинство уверены, что «аварийный выход» это конец света. Что уходя, оборотни уничтожат вместе с собой весь мир или хотя-бы всех людей. Ну а еще многие считают, что Отец с другой планеты.

***

Алиса улыбнулась и затушила в землю четвертую подряд сигарету.

Я очень долго молчал, переваривая услышанное. Теперь, выговорившись, она смотрела прямо мне в глаза, и теперь уже я пытался скрыться от ее зеленых глаз. Сказал, чтобы не молчать:

— Знаешь, у меня аллергия на серебро с детства. Сыпь идет по коже... А еще... Господи...

Я закрыл глаза. До того момента, как черные собаки перебили отряд вооруженных людей, в моей жизни всё-всё поддавалось объяснению. Но я же видел, видел все своими собственными глазами, и теперь от этого никуда не деться. Мой рациональный ум с одной стороны отказывался верить, а с другой стороны какая-то часть меня уже поверила Алисе.

Оборотни. Как в голливудских боевиках. Только сейчас должна быть ночь, должен хлестать ливень, мы должны быть закутаны в черные кожаные плащи а в руках у нас должно быть по пистолету... Но вместо ночи — летний день, вместо дождя — жара и подсолнухи, вместо кожаных плащей — джинсы и майки, а вместо пистолетов — сигареты. Все не так, все не должно быть так... Все это — какая-то шутка.

***

Мне удалось так хорошо запомнить все, что Алиса рассказала именно потому, что я прокрутил ее историю в голове, наверное, раз десять. Я пришел к выводу, что современному человеку гораздо проще принять такой рассказ за правду, спасибо фильмам и книгам. Потом я подумал, что

в старину в такой рассказ поверили бы с еще большей охотой.

И все же. Я видел то, что видел, и я слышал то, что слышал. Как мне поступить сейчас? По большому счету есть два варианта — верить или нет. Самый простой выход — не верить, встать сейчас, сказать «спасибо, до встречи», и уйти. Но еще в милицейской машине я решил не принимать простых решений. Возможно то, что произошло со мной и есть тот самый «аварийный выход» из поезда под названием жизнь, который под грузом повседневной рутины и скуки медленно но верно идет под откос? Ну так грех им не воспользоваться.

Итак — я верю.

— Алиса, я верю тебе. Я принимаю все, что ты сказала за правду, хоть никакой нормальный человек и не должен был так поступить. Но ведь ты мне еще не все рассказала?

— Нет, не все. Но я никуда и не уйду, — улыbnулась она, — я знаю ответы, но знаешь ли ты вопросы, Нео?

Я засмеялся, наконец поняв, что именно напоминает мне наш диалог — разговор Нео и Тринити из горячо любимого мною фильма «Матрица».

— Я не помнил нашего с тобой знакомства до тех пор, пока не услышал твой голос по телефону. Я потерял сознание, проспал целый день на земле и у меня даже не свело мышцы. И... Я спал с тобой, у меня на спине — огромные царапины. Ты заразила меня?

Мне самому стало страшно от того, что я сказал. Как больному, который дрожащим голосом спрашивает у врача — будет ли он жить. И знает ответ.

— Закрой глаза, — сказала Алиса.

— Что? Зачем?

— Закрой и поймешь.

Я закрыл глаза, ничего не понял и весь превратился в слух. Легкий ветер заставлял шуметь листву деревьев над головой и подсолнухи за спиной. Далеко-далеко промчалась машина. Рядом сидела Алиса и я практически слышал, как она дышит. Но я еще ничего не понял.

— А теперь, не открывая глаз, скажи мне, как я выгляжу? — спросила она.

Я хотел было засмеяться в ответ на этот простой женский вопрос. Ответить что-то вроде — «ты выглядишь отлично». А потом до меня дошло. Я не знаю, как выглядит Алиса. Глаза... Глаза и все. Нет, еще голос.

— Я... Я знаю, что у тебя зеленые глаза. И... Ты среднего роста...

Невероятно, но я даже не мог сказать, какого цвета ее волосы. И сейчас не могу...

— У нас есть еще одна особенность, о которой я не сказала. Нас нельзя запомнить. Даже то, что ты помнишь цвет моих глаз говорит о том, что ты начал изменяться.

Врач ответил больному — нет.

— Я инициировала тебя не только потому, что была уверена что ты один из двух тысячных процента. Я уверена что ты — воплощение Отца.

А еще врач добавил, что больного на всякий случай закопают в землю уже сейчас.

— Мне две тысячи двести тридцать три года. И я родилась в той самой деревне, в которую пришел Отец. Он убил моих родителей, а я стала Его Тринадцатым ребенком. И именно мне он сказал, что вернется. Сказал когда и при каких обстоятельствах.

Алиса под села ближе ко мне, приблизив свое лицо к моему на столько, что кончики наших носов почти соприкоснулись. Я почувствовал как сильно забилось мое сердце. Сердце оборотня.

— Конечно, говорил не он. Говорила его кровь во мне. К сожалению я была слишком молодой и слишком глупой, чтобы понять и десятую часть всего, что он сказал. Но что я знаю наверняка, и что должен знать ты... Я — одна из Тринадцати Детей Отца. Я ждала нашей встречи две тысячи двести лет. Я — аварийный выход для всей нашей расы. А ты — катализатор. Ты — воплощение Отца оборотней.

Ну это уже было чересчур. Пусть лучше в меня стреляют бесшумные вертолеты.

— Ты ошиблась. Я готов согласиться, что ты почуяла во мне предрасположенность к инициализации. И я почуял в тебе... К тебе... Тоже что-то почувствовал. Но я никакой ни Отец оборотней. Мои родители — простые люди. Мама — учительница в школе, папа — моряк. Они не оборотни!

— Конечно нет, — казалось Алису уже не волновало, что я буду возражать, — твои родители — люди, и не имеют к этому никакого отношения. Просто такова твоя судьба — запустить скрытое во мне. Открыть «аварийный выход»...

— Вам пора уходить, они уже почти здесь.

Я дернулся как от удара и резко обернулся. За моей спиной стоял крепкий парень лет двадцати в шлепках, шортах и легкой футболке. Почему-то я сразу и без сомнений понял, что он тоже оборотень. Видимо нечто во мне продолжало расти. Но что удивительно, я, кажется, совсем не волновался по этому поводу.

А парень, между тем, поклонился мне и, почти не сгибая коленей, запрыгнул на дерево.

— Идем, — Алиса схватила меня за руку, как тогда, на окруженном пустыре, но я выдернул руку.

— Кто уже почти здесь? И кто этот парень?

Алиса вздохнула, но осталась стоять. А я подумал про себя — это не ревность, это любопытство.

— Твой друг инспектор Саганский, а вместе с ним милиция, ОМОН, спецназ, военные... Кто угодно. Они охотятся за мной, ты им не нужен. Они ничего не знают.

Я посмотрел на дерево. Парня в шортах там уже не было.

— А это — моя личная гвардия. Телохранители, если хочешь. Они всегда поблизости и им разрешено приближаться ко мне только в случае чрезвычайной опасности. Когда-то их было двенадцать, но сейчас осталось

только пятеро. Они — лучшие воины нашего рода, и они пожертвуют с собой, чтобы защитить меня. Нас. А теперь идем, прошу тебя.

Мы пошли, все ускоряя шаг, пока наконец не побежали. Я бежал рядом с Алисой и вдруг понял, что у меня пропала одышка. Я мог дышать абсолютно свободно, как будто ехал в машине.

— Послушай, — не сбавляя хода сказал я — а как происходит превращение? Ты рассказала в каких условиях, но забыла рассказать — как.

— Первое превращение обычно происходит примерно через сутки. Человек теряет сознание на несколько часов. За это время он либо погибает, либо перестраивает свой организм, а очнувшись — не может владеть собой. Чтобы мозг осознал возможности и силу нового тела, обычно требуются еще сутки. А потом превращаться можно просто по желанию. Я не могу описать этого словами, но ты обязательно почувствуешь это сам.

Некоторое время мы бежали молча. Я пытался почувствовать что-то в себе, но ничего нового не было.

— Кстати, — чуть улыбнувшись добавила Алиса, — то, что проснувшись ты не превратился говорит только об одном — я не ошибаюсь, ты особенный. В тебе Отец.

А я подумал о другом. Почему единственная особенная девушка, которая встретилась мне в жизни оказалась оборотнем?

Поле подсолнухов давно осталось позади, и мы бежали вдоль пшеницы. Или чего-то очень на нее похожего.

Мы все дальше удалялись от дороги, но воспоминания о бесшумных вертолетах не давали мне покоя, и я периодически оглядывался, в основном на идеально голубое небо.

***

— Стоять, или я убью его!

Голос Саганского я, казалось, узнаю и через тысячу лет. Он вышел прямо перед нами, одетый, не смотря на жару, в строгий черный костюм. Такой-же как и тот, в котором я его впервые увидел. В каждой руке по пистолету с глушителем. А за его спиной, чуть в стороне, лежало тело того самого парня, который предупредил нас об опасности. Четверо, сказал я про себя и остановился, вслед за Алисой. Как по команде, в отдалении за нашими спинами застучал пулемет.

— Станьте на колени и поднимите руки. Если ты пошевелишься, тварь, я убью тебя. А потом его. Если все пройдет спокойно, он сможет уйти.

Алиса посмотрела на меня и еле заметно кивнула головой. Опустилась на колени и подняла руки. Я проделал тоже самое.

Инспектор подошел чуть ближе и мы услышали голос из его портативной рации.

— Мы взяли еще двоих. Третьего окружили. У нас большие потери!

Алиса улыбнулась, глядя в лицо Саганскому.

— Я же сказал не шевелиться, тварь!

Он ударил меня ногой прямо в лицо. Удар был такой силы, что я отключился не успев упасть на землю.

Очнувшись я ничего не чувствовал. Вообще. Я, кажется, даже не дышал. Через несколько секунд пришло ощущение, но не физическое. Я ощутил дикую ненависть.

В нескольких шагах от меня повернувшись спиной стоял инспектор, держа в правой руке пистолет, наставленный на Алису, а в левой — какую-то маленькую черную книжку. Второй пистолет он, видимо, спрятал в кобуру.

— Именем всевышнего, изгоняю скверну сию с нашей святой земли. Для Бога и для человека!

Она что, действительно готова умереть за своего мифического Отца?

Дальше все произошло слишком быстро. Саганский захлопнул книжку и я увидел, как его палец нажимает на курок. Алиса зажмурилась и непроизвольно подалась назад. А я прыгнул на инспектора.

Он успел выстрелить, но не попал. Я повалил Саганского на землю, лицом вниз, и бил его в спину со всей звериной ненавистью к людям, которая невесть откуда проснулась во мне. Он попытался сбросить меня левой рукой, но я ударил его в плече. Рядом валялась маленькая книжечка в потрепанном кожаном переплете со странно знакомым мне символом на обложке. Стилизованное изображение морды волка, вписанное в пентаграмму.

Алиса стояла в стороне. Когда Саганский перестал сопротивляться и я перестал его бить, она подошла. Я слез с бездыханного тела инспектора и перевернул его на спину.

И снова время остановилось.

Все произошло в лучших традициях жанра.

Ну откуда я, в свои двадцать пять лет, работая менеджером, мог знать, как поступать. Мои инстинкты говорили мне — бей, и я бил. В отличие от инспектора, я не был профессионалом, я был зверем.

Все то время, что я делал кашу из внутренних органов и ребер Саганского, он держал правую руку под телом, даже не делая попыток ее вытащить. А сейчас, лежа на спине, я увидел его лицо и сразу понял, что сейчас произойдет. В стеклянных глазах инспектора была смерть. И смерть была на его разбитых в кровь но улыбающихся губах. И смерть была в пистолете с глушителем, намертво зажатом в его правой руке.

Он выстрелил сразу, но Алиса успела сделать шаг вперед и закрыть меня.

Пуля прошла навывлет сквозь оба наших тела.

Я упал на одно колено, лоя Алису. Сам я ничего не чувствовал, никакой боли. Ничего. Только ненависть к инспектору неожиданно сменилась другим чувством. Чувством, которое было чуждо мне, оборотню.

***

Пуля пробила грудь. Рана была смертельной. Я понял это сразу, не столько по самой ране, сколько по глазам Алисы.

Я сел на землю рядом с ней, взял ее руку в свою. Она смотрела на меня. Ее волшебные зеленые глаза, в них столько боли. И столько недоумения.

— Так не должно было быть. Ты же не успел запустить «аварийный выход». Мы же еще не успели ничего сделать...

А в моей голове постепенно стала биться только одна мысль. Одно слово. Нет!

Нет нет нет нет нет!!!

Господь бог, Отец оборотней, судьба! Нет! Не забирайте ее у меня! Пожалуйста, не забирайте ее. Пожалуйста, позвольте мне любить ее.

— Послушай... тебе надо помочь... тебе надо выпить крови... Саганского... пока не поздно...

Я не слушал ее. Еще раз глянул на рану. Из нее хлестала кровь, растекаясь лужей. Кровь уже прекратила свертываться. А я ничего не мог сделать. Ничего-ничего.

***

Она умерла через несколько минут, не переставая говорить про «аварийный выход».

А я думал про бессмысленность всего.

А потом во мне проснулась ненависть. Ненависть к тому, кто якобы возродился в моем теле. К тому, кто тысячи лет назад исковеркал судьбу молодой девушки. Кто, вольно или невольно, обрек на смерть тысячи тысяч невинных людей.

Я похоронил Алису под деревьями. Срывая ногти, рыл сухую, как камень, землю. Если бы я был человеком, по моим щекам текли бы слезы. Засыпав тело, я упал на ее могилу.

Я не был человеком. Я никогда не вспомню ее лица. Мне не оставили даже воспоминаний.

Меня начало трясти. Мне хотелось убивать. Убивать всех, без разбору, потому что сейчас для меня все закончилось. Для меня больше нет никаких правил и никаких границ. Я буду мстить всем только потому, что не могу отомстить самому себе.

С огромным трудом сохраняя возможность двигаться, я дополз до тела Саганского и впился зубами в его шею. От него пахло пылью, потом и смертью. А кровь... кровь была еще живой. Я делал большие глотки, вытягивая из вен, как из коктейльных трубочек, сладкую живительную влагу. Постепенно прошла дрожь и мои мышцы стали наливать силой. Мои чувства обострились, уводя на задний план всепоглощающую черную дыру утраты. Я смотрел на тело у моих ног.

Рация Саганского бормотала что-то о скорой помощи и о потерях, постоянно повторяя имя инспектора, но меня это уже не волновало. Я знал где они, и знал, что делать.

Обыскав его я забрал два пистолета и несколько запасных обойм. Все пули были, конечно-же, серебряными. Тащить все это в руках было неудобно,

и я одел пыльный и мятый пиджак Саганского. Во внутреннем кармане обнаружился чистый блокнот в закрывающемся кожаном чехле и дорогостоящая чернильная ручка «Parker».

Повозившись с предохранителями пистолетов, я разобрался как они работают. Выстрелил в труп Саганского, чтобы почувствовать отдачу. С оружием все было в порядке.

***

В десятке метров от того места, где сидя в тени деревьев зеленоглазая девушка-оборотень Алиса рассказала мне все, что изменило мою жизнь, копошилось несколько десятков человек. Одни — врачи скорой помощи, занимались перевязкой раненых спецназовцев и упаковкой в черные мешки мертвых. Другие просто стояли, осматривая себя, свое оружие... Они казались ошеломленными. Кто-то раздавал указания. Кроме четырех машин скорой помощи тут был пограничный БТР и с десятков милицейских жигулей. Они почти полностью вытоптали поле подсолнухов.

Там были еще какие-то люди, они молчали, говорили, кричали... Стояли и ходили... Но мне не было до них дела.

Я шел прямо в эту толпу, а когда меня заметил ближайший человек-спецназовец — я начал стрелять.

Я целился в головы, но отсутствие практики давало о себе знать, и я никак не мог попасть. Тогда я просто стал стрелять в толпу. Отстреляв по обойме я неуклюже перезарядил пистолеты и продолжил стрелять.

Конечно, они стреляли в ответ. Стреляли и кричали. Кричали и стреляли.

Но я ничего не чувствовал. Меня дергало. Удары крошечных пуль, как точечные удары боксера, пытались свалить меня с ног, оттолкнуть. Но я продолжал идти к ним. Продолжал их ненавидеть.

Когда закончились патроны, я стал убивать их руками. Это приносило удовольствие, и немного заглушало боль ненависти.

Все закончилось быстро. Те что поумнее — успели разбежаться. Остальные лежали на земле в лужах собственной крови.

***

Что случилось дальше — я не смогу описать на бумаге. Просто в человеческом языке нет таких слов. Но я попробую.

Внезапно пошел дождь, невозможно сильный и невозможно холодный. Я понял, что наконец-то могу чувствовать. И одновременно с этим, я почувствовал дикую боль в плече. Раны, полученные мной в перестрелке, зажили почти сразу, от них не осталось и следа, но я только сейчас заметил, что рана от серебряной пули Саганского никуда не делась. Я упал в мгновение размякшую от дождя землю, скорчился от боли и закричал.

Меньше часа назад мне не хватало модной одежды, дождя и пистолета. Сейчас мое желание осуществилось.

Потом мир дернулся. Это единственное подходящее определение к тому, что произошло. Мир дернулся, и изменился. Остался я, лежащий на грязной

земле. Остался сильный холодный дождь.

Но поменялось все вокруг. Пропали машины и трупы. Пропало поле подсолнухов.

Жаль, что никуда не пропала моя боль.

Оглядевшись я увидел, что нахожусь в нескольких метрах от большой реки, пузырящейся от ливня. А чуть дальше по течению я увидел несколько огромных камней. С трудом дошел туда и обнаружил что-то вроде пещеры. Там было достаточно сухо и, слава богу — пусто. Забравшись в нее я упал на землю и отключился.

***

Дождь шел два дня, и прекратился на третий. Первое, что меня поразило — чистота воздуха. Таким воздухом я дышал лишь однажды — когда ездил с одноклассниками в Карпаты, кататься на лыжах. Совсем не городской воздух.

***

Я продолжаю терять кровь, но состояние мое не ухудшилось, поэтому я не знаю, что со мной. Река пресная, я несколько раз ходил к ней за водой. Где я, что это за река — я не знаю. Далеко ходить не рискую, да и не вижу смысла.

Сейчас — четвертый день как я оказался здесь. Я не знаю, что случилось, но что-то внутри меня настойчиво повторяет — «аварийный выход открыт». Вчера вечером я прошел вдоль реки и заметил вдалеке огни. Похоже на поселок или деревню. Сейчас я попробую добраться туда.

Кто знает, если бы не блокнот и чернильная ручка инспектора Саганского — может я бы уже сошел с ума. А так — здесь записано все, что произошло со мной. Все переживания и мысли. Все, что я успел узнать. Я оставляю блокнот здесь, между камней. Надеюсь кожаный переплет защитит его от влаги.

Оборотни существуют. Не верите? Тогда попробуйте найти меня и убедиться.

***

— Я оставляю блокнот здесь, между камней. Надеюсь кожаный переплет защитит его от влаги. Обратни существуют. Не верите? Тогда попробуйте найти меня и убедиться.

Старенький профессор поднял взгляд на аудиторию. Большинство студентов списывало домашнее задание по следующей паре — английскому языку. Остальные переписывались с кем-то смсками или скучающе глядели в окно. На самой дальней парте кто-то спал.

Профессор прокашлялся и аудитория зашелестела бумагами. По самым оптимистическим подсчетам до конца его дослушали только двое. Профессор спросил:

— Вопросы будут?

Он очень хотел, чтобы кто-то из них задал вопрос. Студенты считали лекции по древней истории скучнейшими, и он это прекрасно знал. Но тем не менее любил свою работу, любил студентов, и очень любил делать им вот такие сюрпризы. Может быть хоть у кого-то в голове останется этот неразрешенный вопрос. Только бы они спросили...

Потянул руку один из скатывавших.

— Да, Семенов?

— Скажите, Валентин Валентинович, а какое вообще отношение эта сказка имеет к нашему предмету?

Профессор мысленно заплотировал Семенову, и пообещал себе поставить ему на зачете на два бала выше, чем тот заслуживает. То есть четыре.

— Ну с литературной точки зрения, конечно, никакого. Кроме того, что это документальная история. То, что я прочитал вам — текст из блокнота, найденного несколько месяцев назад в маленькой пещере у Дуная.

— Ну это ведь не делает этот текст правдой, профессор!

Это уже была девочка из первого ряда, одна из тех, кто слушал весь текст от начала и до конца.

— Конечно не делает, Мария...

Профессор сделал паузу, наслаждаясь грядущим моментом триумфа.

— Но что вы скажете на то, что анализ бумаги и чернил из блокнота показал, что его возраст — более двух тысяч лет?

Аудитория замолчала. Только самые смелые продолжали строчить английский.

— Ну а про то, что написан он на чистом русском языке можно и не упоминать...

Прозвенел звонок. Студенты нехотя, как надеялся профессор, стали прощаться и уходить из аудитории. Только девочка из первого ряда подошла к профессору и спросила:

— Валентин Валентинович, а такое может быть?

— Ну, я привык верить фактам. А факты, вопреки здравому смыслу и всем нашим представлениям о мире говорят — может.

— А вы сами в это верите? Вы думаете он попал в прошлое? Это и был «аварийный выход»?

— Возможно, — профессор улыбнулся.

Когда студенты разбежались, он подошел к окну. С высоты пятого этажа одесская осень была прекрасна, как никогда.

осень 2007 — зима 2009

Сталкер (<http://8stalker.od.ua/>)